

Сара
Нэй

3 свидания
для плохого парня

Цинизм — это лишь маска?

Sarah Ney

*The Failing
Hours*

Сара Нэй

3 свидания
для плохого парня

*Мои родители, должно быть, с самого начала
подозревали, что я стану грешником. Вот почему они
назвали меня библейским именем. Но, Бог свидетель,
это не помогло. Я далеко не святоша.*

Иезекииль Дэниелс

ПРОЛОГ

Вайолет

ЕГО ТРУДНО не заметить. Большой, мускулистый и внушительный, Иезекииль Дэниелс сидел за столом вместе с друзьями, заполняя своим присутствием все пространство вокруг, как если бы на парковке рядом с минивэнами стоял танк. Слишком большой и неуместный.

Все мое внимание было сосредоточено на нем. Я бросила взгляд на список моих подопечных в руке, пожившись от имени, напечатанного жирным шрифтом.

Иезекииль Дэниелс

Библиотека, Центр помощи студентам

21:30

Внутри все ждалось, и я снова бросила взгляд на парня; это *точно* он. По тому, как нетерпеливо и пристально он осматривал комнату, было очевидно, что он кого-то ждал. Как будто почувствовав, что я за ним наблюдаю, он угрюмо и угрожающе взглянул исподлобья, сканируя всю комнату по периметру. В поисках жертвы (*меня*). Как на охоте.

На секунду его взгляд остановился на мне, но на лице парня не дрогнул ни один мускул. Он безразлично осмотрел меня с ног до головы, и даже кипа книг на столе не стала преградой для его пронизательных глаз. Он так красив, что на секунду я забыла, как дышать. Взъерошенные черные волосы, сурово сведенные брови над

необыкновенно светлыми глазами, пятидневная щетина, которую ему стоило бы сбрить. А еще ему следовало бы подтянуть свою учебу.

Парень взял со стола лист бумаги и сжал его своими огромными пальцами. Я понимала, что там было написано, поскольку у меня в руке был точно такой же. Я застыла, хотя мне и следовало подойти к нему и представиться, поскольку он пришел на занятие. *На занятие со мной.* Но из-за тревожности я не могла сдвинуться с места. И просто смотрела, как Иезекииль Дэниелс усиленно жестикулировал, хмурил темные брови, сердито чеканил слова, которые я не могла услышать. Один из его друзей рассмеялся, другой лишь покачал головой и откинулся на спинку стула, скрестив на груди татуированные руки. Чувствовалось, что компания парней начинает скучать. Я с ужасом посмотрела на то, как Иезекииль непристойно и грубо помахал рукой около рта, изображая всем известный процесс.

Их стол взорвался хриплым смехом. Теперь они говорили так громко, что я могла слышать все. Я напрыгала и продолжила притворяться, что погружена в работу, а сама слушала. Тут один из его друзей приподнялся со своего крошечного стула и, прежде чем пересечь читальный зал, спросил:

— Ладно. Как зовут твою репетиторшу?

— Вайолет.

— Какая прелесть.

Он вальяжно направился к девушке в скромном черном кардигане и жемчужном ожерелье, петляя по запутанному лабиринту между столов. Незнакомка читала, склонив голову и уткнувшись носом в учебник. Я мысленно поаплодировала ей, когда через секунду она отправила его обратно к друзьям.

Здоровяк вернулся ни с чем и плюхнулся обратно на жесткий стул.

— Это не Вайолет? — раздался громкий голос Иезекииля.

— Нет, — отрезал его друг, открывая учебник.

Взгляд парня стал жестче, он снова и снова повторял мое имя своими полными губами. Низкий и яростный голос отражался от стен читальни, похожей на пещеру. Он еще раз оглядел библиотеку:

— Здесь сказано, что ее зовут Вайолет. Где ее носит?

Поднимаясь на ноги, он поймал мой взгляд. Когда он надменно вздернул черные брови и ухмыльнулся уголком рта, я отодвинулась назад, уткнувшись в стеллаж позади меня.

Иезекииль Дэниелс начал медленно приближаться к стойке библиотекаря; приближаться *ко мне*, мерно и расслабленно шагая по паркету. Его ленивая походка выглядела весьма привлекательно.

Он старался привлечь внимание, и это сработало — я не могла отвести от него глаз, пока он наконец не подошел прямо ко мне с пылающими от злости глазами.

— Это здесь я могу найти репетитора, которого мне назначили? — цинично спросил он, даже не поздоровавшись, и громко шлепнул листок бумаги на стойку. — Я не могу ее найти.

Я опустила глаза и предсказуемо увидела на листке свое имя, напечатанное жирным черным шрифтом:

— Да-да.

Он вскинул брови, услышав, как я запнулась, удовлетворенный произведенным впечатлением:

— Ты из-за меня нервничаешь?

— Нет.

— Точно?

Я сложила руки на гладкой деревянной поверхности стола и пропустила его вопрос, чтобы задать тон своим, стараясь звучать как можно серьезнее и увереннее:

— Я вам как-то могу п-помочь?

Он рассматривал меня с ног до головы в течение пары неловких секунд, пристально и недружелюбно, а после произнес, приоткрыв свои пухлые, идеально очерченные губы:

— Вайолет сейчас свободна?

Свободна ли я? Свободна ли я для этого парня?

Сейчас или никогда. Мне нужно принять важное решение: готова ли я обречь себя на худшее ради работы? Позволю ли я ему уничтожить мою самооценку и самоуважение за крошечную зарплату? Стоит ли бесконечно долго мучиться в тщетных попытках подготовить его к экзамену?

Мне очень нужна эта работа, но смогу ли я через силу обучать Иезекииля Дэниелса? По одному его виду понятно, что он, мягко говоря, не подарок.

— Ну? — спросил он, подтолкнув листок ко мне. — Она свободна?

Я подняла глаза и столкнулась с его демоническим взглядом:

— Нет. Не свободна.

ГЛАВА 1

Зик

Не смотри ему в глаза. Это как смотреть на солнце, правда, его взгляд не ослепляет, а внушает непреодолимое желание переспать с ним.

— ТЫ ВООБЩЕ слышишь меня, Дэниелс?

Я повернул голову на голос тренера, уже закипающего от злости. Но, несмотря на свое раздражение, он продолжил этот неприятный для нас обоих разговор. Кабинет тренера небольшой, как и он сам. Выцветшие шлакоблоки, из которых сделаны стены кабинета, искажали свет до серо-голубого, придававшего его коже жутковатую бледность.

Когда тренер попытался снова восстановить самообладание, вены на его шее вздулись. Однако я не собирался слушать его. Мне было нечего сказать, поэтому я продолжал отмалчиваться и лишь коротко кивнул в ответ.

— Так ты слышишь меня, сынок?

Я хотел было напомнить, что он мне не отец, а я и близко ему не сын. В конце концов, даже мой собственный отец никогда не звал меня сыном. Пусть для меня это и не важно.

Я выдавил сквозь зубы:

— Да, сэр.

— Не знаю, почему ты постоянно на взводе, и не собираюсь притворяться, что мне не плевать на то, что ты делаешь за пределами этого места. Однако будь я проклят, если продолжу стоять и смотреть, как один из моих парней пытается уничтожить себя в моем спортзале.

Посмотрев на него, я заметил, как обветренные уголки его губ угрюмо опустились. Он продолжил:

— Думаешь, ты первый придурок, ходивший на этот курс, который думал, что его личная грязь не марает всех? Это не так, но ты первый придурок, с отношением которого я не могу смириться. Ты уже в одной шуточке от удара прямо по твоему миленькому личику. Даже твои сокомандники тебя еле выносят. А я не потерплю разногласий в своей команде.

Мои челюсти свело, когда я попытался сжать их, поскольку не могу ничего сказать в свою защиту. Мне остается только молчать.

Он начал распаляться:

— Как мне достучаться до тебя, Дэниелс?

Никак. Ты ничего не можешь сделать, старик.

Он откинулся на спинку старого деревянного стула и начал рассматривать меня, скрестив пальцы. Покачиваясь на ножках, тренер постукивал кончиками пальцев по подбородку.

Меня так и подмывало сказать ему, что если он хочет достучаться до меня, то, во-первых, должен перестать называть меня сынком, и все в этом духе. Во-вторых, ему стоило бы прекратить ходить вокруг да около и рассказать уже, зачем он притащил меня в свой кабинет, когда кончилась тренировка.

После долгого молчания тренер наклонился вперед, заставив пружины в сиденье издать громкий металлический скрежет. Опустив руки на стол, он провел ладонями по пачке бумаг, затем взял верхнюю:

— Вот что мы сделаем. — Он подал мне бумагу. — У директора программы наставничества «Старшие братья» есть должок передо мной. У тебя есть опыт общения с детьми, Дэниелс?

Я покачал головой:

— Нет.

— Ты знаешь, что такое «Старшие братья»?

— Нет, но не сомневаюсь, что вы просветите меня, — съязвил я, не в силах сдержаться.

Скрестив руки на груди, я занял оборонительную позицию, которая многим кажется угрожающей. Но не тренеру.

— Тогда слушай внимательно, Дэниелс. Эта программа направлена на то, чтобы студенты вроде тебя на волонтерской основе брали детей под свое шефство. Проводили с ними время. Поддерживали и показывали, что они не одиноки. Были теми, на кого можно положиться. Обычно в такого рода помощи нуждаются славные дети из неполных семей. Иногда ребята остаются одни из-за непутевых отцов, типичная история. А бывает, обоим родителям просто наплевать и детишки предоставлены самим себе. Тебе это знакомо, сынок?

Еще как.

— Нет.

Этот садист продолжил бубнить, перебирая бумаги на своем столе:

— Для вступления в эту программу нужно пройти собеседование, но, так как я уверен, что ты его прова-

лишь, мы пропустим всю эту бумажную волокиту и воспользуемся связями. А знаешь, зачем это все? Затем, что у тебя есть потенциал добиться успеха, а ты буквально выбрасываешь его на ветер из-за того, что ты маленький бессердечный упрямец!

Его стул уныло заскрипел. Подобно мне, он заперт в этом кабинете, как в камере.

— Может, тебе стоит наконец позаботиться о ком-то еще, кроме себя. Может, нужно встретить ребенка, чья жизнь хуже твоей. Хватит уже упиваться жалостью к себе.

— У меня нет времени на волонтерство, тренер, — выдавил я.

Тот лишь ухмыльнулся, сверкнув очками:

— Тогда безумно жаль. Ты либо занимаешься волонтерством, либо вылетаешь из команды. Я не хочу, чтобы мы все были как на пороховой бочке. Поверь мне, без тебя не пропадем.

Он немного подождал моего ответа и, не услышав ничего, начал подначивать:

— Из тебя надо клещами вытягивать? Скажи просто: «Да, тренер».

Я коротко кивнул:

— Да, тренер.

— Хорошо. — Он схватил желтый карандаш и удовлетворенно подтолкнул его ко мне. — Заполни этот лист и возьми с собой. Ты встретишься со своим подопечным завтра в центре, в их офисе. Адрес указан на бланке.

Я неохотно взял со стола карандаш и бумагу, даже не взглянув на них.

— Не опаздывай. Не облажайся. Завтра днем ты поймешь, как живут другие. Понял, сынок?

Я резко кивнул.

— Хорошо. А теперь вон из моего кабинета.

Бросив на него высокомерный взгляд, я развернулся к двери. Мне в спину прилетел его хриплый смешок.

— И еще, мистер Дэниелс...

Я замер на месте, принципиально не разворачиваясь и не смотря ему в лицо.

— Знаю, тебе будет тяжело, но постарайся не вести себя как полный придурок, когда ты с ребенком.

Да ты сам тот еще придурок. Правда, не мне жаловаться, но все же... В последнее время меня мало что волновало, так с чего он взял, что мне будет дело до какого-то глупого ребенка? Особенно до того, общение с которым мне навязывают?

Мои друзья называют меня безжалостным. Они думают, что кровь в моих венах холодна как лед и со мной невозможно сблизиться. Но мне нравится быть самому по себе. Общество мне нужно еще меньше, чем я ему. Счастье — это миф. Кто вообще в него верит? Гнев, нарастающий в моей душе, более ощутим, чем любое счастье, которое я разучился испытывать, ведь я всегда был один, сколько себя помню. И меня это вполне устраивает.

Все еще вне себя от злости, я ввалился в продуктовый магазин, схватил тележку и покатил ее вперед по проходу, на ходу забрасывая продукты:

✓ *овсяные хлопья*

✓ *сок агавы*

✓ *пачка грецких орехов*

Потом я отправился в отдел спортпитания, где мои руки автоматически потянулись к упаковке смеси для

протеинового коктейля. Сжав большую черную банку, я бросил ее поверх мясной нарезки, хлеба и бутылок с водой.

Повернув направо, чуть не врезался в какую-то малявку. Я резко затормозил, а она как ни в чем не бывало продолжила на цыпочках тянуться к полке. Ее черные волнистые волосы были заплетены в две косички, а худые руки тянулись к коробке, которую ей никак не достать. Она не давала мне пройти, стоя прямо поперек ряда.

— Черт побери, подруга, я чуть не врезался в тебя, — прорычал я. — Тебе стоит быть повнимательнее.

Она проигнорировала замечание:

— Ты можешь достать ту коробку для меня?

Ее маленькие грязные пальчики указали на красную коробку с вафельными рожками на верхней полке. Я заметил, что крохотные ноготки покрашены блестящим синим лаком, но под ними все равно виднеется грязь.

— Тебя не учили опасаться незнакомцев? — отчитал я ее, но тем не менее достал коробку с полки. Впихнув пачку в ее цепкие ручонки, я огляделся. Черт побери, кажется, она без присмотра. — Боже, подруга, а где твои родители?

— На учебе.

— На учебе?

— Мой папа работает, а мама учится в университете.

— С кем ты тогда тут, черт возьми?

Соплячка пропустила вопрос мимо ушей, наклонив голову и уставившись на меня своими пристальными карими глазами:

— Ты говоришь плохие слова.

Я был не в настроении притворяться добреньким, поэтому уставился на нее в ответ:

— Я взрослый. Я могу говорить все, что захочу.

— Я все им расскажу.

Ее маленькие губы неодобрительно изогнулись, и я почувствовал, что она молча осуждает меня. Да уж, наверняка с такой ябедой «приятно» учиться в одном классе.

— Да пожалуйста. Рассказывай кому угодно.

— Саммер? — раздался откуда-то из-за угла женский голос.

Обладательница этого голоса вылетела из-за угла. Когда она увидела нас, у нее перехватило дыхание.

— О боже, вот ты где! — Она опустилась на колени и обняла малявку. — О б-боже, — повторила женщина, запнувшись. — Милая, ты не можешь вот так взять и уйти! Ты напугала меня д-до смерти. Разве ты не слышала, как я звала тебя?

Малышка — по-видимому, Саммер — не поддавалась, пытаясь высвободиться:

— Я хотела купить мороженое в рожке.

— Саммер. — Женщина опять заключила девочку в объятия, облегченно вздохнув. — Саммер, к-когда я не смогла найти тебя, я подумала, что кто-то украл тебя. М-меня чуть удар не хватил.

— Я была здесь, Ви, — пропищала малышка в плечо женщины, пытаясь выдохнуть в этих крепких объятиях. — Этот мальчик помог мне достать рожки.

Этот мальчик?

Я поднял руки:

— Эй, не впутывай в это меня.

Именно в этот момент женщина наконец заметила мое присутствие, задрала голову вверх и посмотрела прямо в мои невозмутимые, но несколько раздраженные глаза.